

Октябрьская революция в контексте исторических противоречий между Россией и Западом

Владимир Павленко

Известный политолог В. А. Никонов неоднократно рассказывал о забавном эпизоде, который как нельзя лучше объясняет природу и характер существующих на современном Западе комплексов по отношению к России. Его коллега из Канады, исчерпав весь имевшийся в его распоряжении запас недоумения по поводу того, почему Россия не может объединиться с Западом и быть с ним по всем вопросам заодно, высказал мысль, безусловно претендующую на роль афористичной квинтэссенции всех западных заблуждений в этом извечном вопросе наших двусторонних отношений: «Были б вы чернокожими, – выпалил он в конце очередного спора, – никаких вопросов! Но вы же белые, как мы. Почему же вы такие другие?!»¹

Ответ канадцу прост и сложен одновременно. Если коротко, то суть его сводится к тому, что Россия – не Запад, а другая цивилизация.

Повестка дня для России: восстановить цивилизационную проектность

Существует около двухсот определенных категории «цивилизация». Международный энциклопедический словарь «Глобалистика», изданный известными своей либерально-западнической окраской Фондом Фридриха

Эберта и международным «Горбачев-фондом», например, трактует его следующим образом:

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ (лат. *civil* – гражданский, государственный) – культура городского типа, материальные, духовные и структурные ат-

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. *E-mail*: pvb.55@yandex.ru

Ключевые слова: Россия, Запад, цивилизация, глобальное управление, глобальный проект, проектные трансформации, проектная преемственность, проектная экспансия, англосаксонское доминирование, марксистская теория государства.

рибуты которой отличаются рядом характерных черт. Ее духовный фундамент составляют язык (письменность), обычаи и культуры, а также развитые религиозные, национальные и/или социальные представления. Материальное бытие цивилизации основано на разделении труда и производящем хозяйстве. Ее структурная организация предполагает сословное и имущественное расслоение общества, наличие властной вертикали и ее аппарата физического и морального воздействия (принуждения) на общество.

Обычно все цивилизации мира подразделяются на два типа – восточные и западные. Смысл данной дихотомии заключается не в географии <...>, а в содержании материальной, духовной и структурной составляющих цивилизаций. Характерные черты восточных цивилизаций: хозяйство нерыночного типа <...>, строго иерархическое деление общества <...>, мировоззрение, выдержанное в духе религиозной, национальной или классовой идеологии <...>. Кроме того, восточным цивилизациям было свойственно ярко выраженное стремление к хозяйственной и культурной изоляции <...>.

Западные цивилизации опираются на принципы существования, прямо противоположные восточным <...>².

Несмотря на явную и преднамеренную узость и идеологический характер этого определения, из него следует, что понятие «цивилизация» не является однозначным. Именно поэтому в цивилизационных исследованиях выделяются два подхода – материалистический и культурно-исторический.

Материалистический подход исходит из представлений о «цивилизации» как более высокой стадии развития или «уходе от варварства», которая противопоставляется традиционной и потому якобы «отсталой» культуре. В рамках этого подхода обнаружива-

ется стремление частичного или полного распространения европейского, и в целом западного опыта на все человечество, а также придания ему глобального характера. Идеологами Римского клуба, вслед за рядом западных ученых, особо подчеркивалось, что космополитическая общественность формирует и воплощает в государственных и международных институтах некую наднациональную политическую сферу. При этом она руководствуется принципом «конституционного патриотизма», соотносимого не с конкретной нацией или государством, а с абстрактными, распространяемыми повсеместно методами и принципами демократической политической культуры³.

Культурно-историческое направление цивилизационной теории, более востребованное не на Западе, а на Востоке и в России, отражено в идеях и трудах Н. Я. Данилевского, мыслителей евразийской школы, ряда современных ученых, например, Ш. Н. Эйзенштадта. Значительный вклад в его развитие внесен циклической концепцией О. Шпенглера, рассматривающей цивилизацию высшей и завершающей стадией эволюции локальных культур, теорией локальных цивилизаций А. Дж. Тойнби, концепцией этногенеза Л. Н. Гумилева. Как указывается этими видными учеными, локальные цивилизации характеризуются устойчивостью социокультурных общностей, объединенных религией, мировоззрением, культурой, этничностью, историей, географией, сохранением своеобразия и целостности на больших исторических промежутках, несмотря на внешнее давление⁴.

Ряд исследователей, например В. В. Аверьянов, обращают внимание, что различия материалистического и культурно-исторического подходов, а также обусловленное ими видение

цивилизации противопоставляют друг другу имперское и национальное начало в том виде, в каком последнее сформировалось в «большую эпоху» Модерна.

«Корень противопоставления национального государства и империи лежит в том, что имперская государственность в принципе несовместима с глобализацией. Имперская государственность сама представляет собой частную глобализацию на своем пространстве. Поэтому имперские проекты не могут не противоречить той глобализации, которая является по отношению к ним внешней.

<...> Уже в XIX веке у нас были такие выдающиеся и самобытные теоретики как Н. Г. Дебольский, построивший развернутую концепцию „национальности“, „национального начала“. И в его трактовке как раз получается, что народ изначально нагружен очень серьезными и культурными, и государственными, и религиозными связями, системными связями. Без них он неполноценен и по существу народом назван быть не может. У Дебольского есть очень интересная мысль <...> о том, что с либеральной точки зрения, будущее народа строится по неким предвзятым, отвлеченным правилам, а с точки зрения начала национальности это будущее должно быть укоренено в прошлом <...>.

Здесь Дебольский подчеркивает, что **если мы хотим стандартизировать себя по лекалам англичан или других стран, которые создали национальные государства, то фактически мы встаем на путь именно либерального национализма <...>.**

Немецкий исследователь Кон делит национализм на два типа: западный и восточный <...>. А Бирнбаум то же самое называет другими словами: государственный и культурный типы национализма. Отмечают, что западный, или государственный национализм тесно связан с либеральной идеей, он либерален по своему происхождению. И здесь, помимо Дебольского, вспоминается К. Н. Леонтьев, который указал на то, что западный, либеральный национализм фактически способствует денационализации в глубинном, коренном смысле слова. **Это парадокс национализма космополитического, <...> который, по мысли Леонтьева,**

через государственные институты губит культурный и бытовой национализм. То есть ведет к лишению народа его сущности, его специфичности.

Итак, мы имеем дело с двумя национализмами.

С одной стороны, **либеральным**, создающим те самые *national state*, „нации“, из которых, как из кирпичиков, складываются и старые европейские союзы, и Лига Наций, и затем ООН, и нынешнее „международное сообщество“, которое обеспечивает согласованную расправу сильных держав над „тиранами“ и теми, кто не вписывается в передовые стандарты демократии, политкорректности и глобализации.

Но, кроме него, существует **древний «национализм», который у разных народов именовался по-разному, на языках этих народов.** Это понимание «нации» можно трактовать как приверженность «алтарям и нивам» родины, «ларям и пенатам» своего города и своего царства, <...> оно связано с такими идеалами и ценностями как Отечество, Семья, Земля, <...> с народными представлениями о вере предков <...>.

Понятно, что такой национализм не противоречит имперской идее, но органично с ней стыкуется. Такой национализм, если бы он развился до международного уровня, дал бы совсем иные плоды, чем «либеральный национализм» англосаксов <...>»⁵ (курс. – Авт.).

Как видим, проектным потенциалом обладает каждая цивилизация. Но не каждая его реализует. И лишь единицы способны делать это по историческим меркам долго. Представляется, что критерием проектности является способность цивилизации к внутренней консолидации и выработке четкой идентичности, к защите своего ареала и расширению за его пределы. Поэтому претендовать на нее могут только государства, осуществившие вокруг себя трансграничную цивилизационную консолидацию, став ее ядром. Например, Великобритания и США на Западе. А также уже состоявшиеся государства-цивилизации – Россия, Китай, Индия.

Из того, о чем пишет В. В. Аверьянов, следует, что «частная глобализация» в масштабах самой западной цивилизации в целом завершена. На повестке дня другой вопрос: распространение ее на все человечество, которое осуществляется с помощью допускаемых в «прихожую» Запада представителей незападных элит, формирующих то, что мы именуем проамериканским «агрессивно-послушным большинством».

Не принадлежащие же к Западу цивилизационные центры перспективу интеграции с ним в своей массе отвергают, хотя многим влиятельным представителям их элит, преследующим, в основном, собственные частные выгоды, она кажется привлекательной. При этом они ввиду различия проектных задач по сей день не консолидированы, хотя и не находятся в состоянии острой междоусобной проектной конкуренции. Индия все более тянется к Западу, что обусловлено спецификой ее двуязычной элиты, оставленной англичанами при предоставлении стране независимости. Китай, цивилизационное развитие которого долгое время осуществлялось по замкнутому циклическому кругу, ведет экспансию в направлении Юго-Восточной Азии и Тихого океана. При этом необходимо заметить, что формально объединяющая эти государства-цивилизации группа БРИКС (ранее БРИК) является не самостоятельным субъектом глобальной политики и даже не механическим объединением ее участников, а продуктом неких закулисных договоренностей, реализуемых в режиме долгосрочного стратегического планирования и управляемых все тем же проектным центром Запада⁶.

Россия в этой ситуации обречена либо и далее утрачивать самостоятельную проектность, либо, восстановив ее, принять активное участие в между-

цилизационном объединении незападных цивилизаций, являющемся, как полагают некоторые специалисты, например, вице-президент Академии геополитических проблем К. В. Сивков, единственным, что способно остановить западную экспансию⁷.

Для того, чтобы объяснить, почему мы ставим вопрос именно таким образом, обратимся к весьма интересному анализу соотношения европейских, американских и российских ценностей, проведенному заместителем директора Института Европы РАН Ал. А. Громыко.

«„Европейская мечта“ является наднациональной системой ценностей эпохи **постмодернизма**. Среди ее главных составляющих: универсализм, общественный домен и экономика соучастия, мягкая сила, секулярность, приоритет качества жизни над максимизацией материального достатка, социальный рынок, концепция устойчивого развития, многокультурье (мультикультурализм), опора на социальную составляющую прав человека, многосторонность (стремление к консенсусу при решении внутри- и внешнеполитических задач), взаимозависимость на международной арене, „пул суверенитетов“ в границах Европейского союза (ЕС).

Что касается ценностей „американской мечты“, то она сложилась в эпоху **модернизма** и представляет собой комбинацию христианской эсхатологии и утилитаризма. Среди ее составляющих: партикуляризм (избранность, мессианство, мета-нарративы), индивидуализм и антропоцентризм, ассимиляция („плавильный котел“), жесткая сила, религиозность, идеал обогащения, материальный, линейный прогресс, абсолютизация права собственности, односторонности и автономности („кто не с нами, тот против нас“, «коалиции желающих»).

<...> Промежуточное положение России с аксиологической точки зрения между Западной Европой и США объясняется тем, что **наша страна еще развивается в координатах эпохи модернизма**. Ценности, вышедшие на передний план после 1991 года, сближают ее с США, а культивирование ряда ценностей советского и досоветского периодов – с «евро-

пейской мечтой». Так, в российском менталитете от этих прошлых исторических эпох сохраняется влияние ценностей универсализма (в советское время – интернационализма) и коллективизма»⁸ (курс. – Авт.).

В приведенном нами фрагменте есть с чем поспорить. Например, с тем, что «христианская эсхатология» сложилась в эпоху Модерна. В чистом виде она на самом деле является продуктом Средних веков, а в сложившейся в США форме «христианского сионизма» («диспенсациализма»), послужившего метафизической основой неоконсерватизма, вообще опирается на ветхозаветный фундамент, что также исключает ее принадлежность к Модерну. Важнее другое: все более явное взаимное переплетение европейских и американских ценностей, осуществляемое на постмодернистской основе. Ибо универсализм, «устойчивое развитие», мягкая сила (сетевые центры управления «цветными», в том числе арабскими революциями), «приоритет качества жизни», почему-то противопоставленный «материальному достат-

ку», также характерны для США, как и для Европы. А что уж говорить об обратном влиянии на Европу американских ценностей с помощью новых членов ЕС! Таким образом, правильнее будет говорить о едином, постоянно прогрессирующем постмодернизме Запада, обращенном против застрявшей в Модерне или около него России, и это в условиях перемещения центра этого Модерна, как верно указывает С. Е. Кургинян, на Восток, где «много бедного, молодого, дисциплинированного населения»⁹.

В этих условиях все разговоры о присоединении нашей страны к Западу равнозначны включению ее в Постмодерн, места в котором России нет, а если и есть, то лишь в качестве обслуживающего персонала экспортной трубы, численность которого – самое главное – должна поддерживаться на минимально достаточном уровне. Поэтому не общее нужно искать с этим Постмодерном, а особенное, позволяющее России обойти и избежать его, продлив собственную проектность.

«Образ» и «качество» жизни.

Война цивилизаций или западная цивилизационная экспансия?

Пока у нас в стране ведутся дискуссии о том, является ли проектный генезис цивилизаций выдумкой или реальностью, на Западе проектное противостояние уже давно поставлено в центр всей геостратегии. В своей напугавшей книгу «Столкновение цивилизаций» (*The Clash of Civilizations*) известный американский политолог С. П. Хантингтон, отличавшийся достаточной близостью к центрам принятия решений в западной интеллектуальной и политической элите, утверждал, что цивилизационная конкуренция протекает в форме «войны цивилизаций». Получает или нет под-

держку эта концепция в научной среде – отдельный вопрос. Но создается устойчивое впечатление, что в практической политике Запад, и США в особенности, именно этим подходом и руководствуются.

Его и у нас подхватили и разнесли, не вникнув до конца в смысл. Цитируя вдоль и поперек Хантингтона порой только для того, чтобы оправдать обращение к цивилизационному подходу, особенно противопоставить его привычному классовому методу анализа, многие ученые начинают забывать о том, что основной целью этого исследователя являлась не столько дискреди-

тация марксизма, сколько обоснование легитимности западной проектной экспансии. Главное у Хантингтона – не факт борьбы, а кто с кем борется.

Знаменитая формула «*The West and the Rest*» означает «Запад и все остальные», то есть Запад против всех остальных. В своем последнем, эсхатологическом смысле эта формула сливается с концепцией «конца истории» Ф. Фукуямы. Ибо описываемая им вселенская победа Запада означает завершение конкуренции и объединение человечества – отнюдь не добровольное, жестко контролируемое и управляемое. Поэтому можно до хрипоты спорить о том, нравится или нет межцивилизационное объединение нашим прозападным интеллектуалам, но сути дела это не меняет. Чтобы о таком объединении поставить вопрос, нужно обладать альтернативной Западу проектностью. Причем не модернистской и не постмодернистской, а иной. Актуальность проекта «Сверхмодерн», о котором длительное время говорит и пишет С. Е. Кургинян*, – можно и нужно обсуждать. Это – серьезнейшая концепция. В отличие от попыток любой ценой втащить Россию в Запад «хоть чучелом, хоть тушкой», в которых нет ничего, кроме эсхатологии «конца истории», помноженной на стремление обеспечить благополучие элитарного меньшинства – «продвинутого» и не очень.

Итак, главное противоречие между двумя школами цивилизационных исследований заключено в отношении к проектности цивилизаций, то есть в наличии у них цельного мировидения, затрагивающего как прошлое и настоящее, так и будущее. Материалистическая школа утверждает про-

ектную монополию Запада, отказывая в будущем незападным империям, по В. В. Аверьянову, «частным глобализациям» и возводя в абсолют их интеграцию под эгидой Запада в единую, единственную и универсальную либеральную «новоимперскую» глобализацию. Культурно-историческая школа демонстрирует подчеркнутый плюрализм и оставляет место разным «частным» имперским «глобализациям». Она утверждает, что не бывает более или менее «цивилизированных» цивилизаций. Бывают иные цивилизации – с иным набором цивилизационных признаков и ценностей и иным местом в истории.

Поэтому лишь очень naive и недалекие люди могут полагать, что всеобщее торжество «демократии и прав человека», особенно на нынешнем витке исторического развития, станет прорывом в будущее. Скорее, наоборот. Ибо «конец истории» – это не продолжение, а завершение всякого развития – как на Западе, так и Востоке. Остановка развития раз и навсегда, означающая наступление глобального фашизма, что не является преувеличением именно потому, что фашизм по своей содержательной сути как раз и есть остановка развития.

О том, что произойдет дальше, написано в религиозной и светской литературе, спектр которой практически безграничен, рассчитан на любые взгляды, убеждения и вкусы и простирается от «Апокалипсиса» Иоанна Богослова до «Машины времени» Г. Уэллса.

Что может воспрепятствовать «концу истории»? Только продолжение конкуренции различных проектов мировидения в цивилизационном или даже межцивилизационном формате.

* Эта тема обсуждается в выпуске 7 видеопрограммы «Суть времени», которая ведется на официальном сайте Центра Кургиняна. (<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=92>).

Сегодня проектный подход все активнее пробивает себе дорогу.

Так, в этом направлении, пусть медленно и непоследовательно, но начинает разворачиваться и обновление российских государственных документов. Концепция внешней политики России в действующей редакции 2008 г. впервые формулирует положение о конкуренции различных ценностных ориентиров и цивилизационных моделей¹⁰.

В монографии Института Европы РАН «Россия в многообразии цивилизаций» указывается: «<...> Система ценностей служит сеткой координат, вне которой любая цивилизация утрачивает идентичность, если не сам смысл существования. <...> Хотя с течением времени ценности могут эволюционировать, <...> они устойчиво закреплены в нравах и обычаях народов, догматах и ритуалах религиозных конфессий, нормах законодательства»⁸.

В каком соотношении находится эта посылка с предшествующим провозглашением ее авторами России «частью Запада»⁸, пусть решают в самом Институте Европы.

Так что такое «ценности», и как они влияют на проектность? Это важный вопрос, ибо ценности находятся в основе любого проекта.

«ЦЕННОСТЬ (греч. *axios* — ценности) — понятие, используемое в философии и социологии для обозначения объектов и явлений, выступающих как значимые в жизнедеятельности общества, социальных групп и отдельных индивидов. В различных подходах ценности рассматриваются как атрибут **материального или идеального** предмета или как сам предмет <...>.

Можно говорить о *двух формах ценностей*. Во-первых, ценность выступает как **общественный идеал** <...>. Во-вторых, ценность предстает <...> в виде произведений **материальной** или духовной культуры <...>.

Другим основанием типологии ценностей выступает классификация социальных общностей, отражением жизнедеятельности которых они являются. Наиболее общими являются ценности общечеловеческие. Их универсальность и неизменность отражает **некоторые**

*общие черты, присущие жизнедеятельности людей различных исторических эпох, социально-политических укладов, классово-национальной, этнической и культурной (а также религиозно-конфессиональной — Авт.) принадлежности. Вместе с дифференциацией образа жизни людей, принадлежащих к различным социальным общностям, дифференцируются и ценности, порождаемые конкретным общественным укладом и отражающие его специфику <...>*² (курс. — Авт.).

Итак, первое, что выделим: ценности подразделяются на две категории — идеальные и материальные.

Второе, что следует отметить, зафиксировать и постоянно удерживать в памяти, — собирательный и преимущественно **материальный** характер так называемых «общечеловеческих» ценностей, обусловленный тем, что они базируются не на идеалах, а на интересах. Различным эпохам, укладам, классам, нациям, этносам и культурам, как видим, свойственен лишь очень ограниченный круг по-настоящему общих ценностей. Их список в основном исчерпывается сугубо утилитарными представлениями о жизни как физиологическом процессе, а также о благосостоянии или «процветании».

Большинство же ценностей, в отличие от интересов, по своей природе **идеальны** и отнюдь не являются универсальными. Они порождены тем или иным специфическим общественным укладом, отражают его уникальность и формируют соответствующий этому укладу **идеал**, определяющий соответствующую идентичность — религиозную, этническую, национальную, социальную (классовую), государственную, цивилизационную. Каждая такая общность неповторима, у каждой — свое место на лестнице исторической эволюции.

Можно сказать, что если идеал выражается категорией «образ жизни», то квинтэссенцией интересов служит другая категория – «качество жизни».

В политической сфере культурно-исторический, имперский подход в отличие от материалистического, либерального, настаивает на первичности не эгоистических интересов отдельных подданных или граждан, а общественного идеала. Между тем кое-кто сегодня надеется на то, что удастся незаметно подменить и поменять местами эти понятия и выдать возведенные в абсолют интересы личности за последнее слово эволюции человеческой общественно-политической мысли.

Для чего это делается? Чтобы, спекулируя ценностями, реализовать интересы. Сознательно ввести нас в заблуждение, убедив в общности интересов с теми, у кого нет идеалов и, обманув, воспользоваться этим неведением в собственных, отнюдь не вегетарианских целях. Для России это особенно актуально. Периоды исторических подъемов и максимумов нашей страны неизменно обуславливались наличием мобилизующего общественного идеала. И наоборот: девальвация идеалов всегда вела нас в «болото» безвременья и распада.

Заметим: интересы индивида – единственное, что связывает между со-

бой различные цивилизации. Все остальное у них разное – религия, культура, история, географическое положение и т. д. Потому западные идеологи и превозносят индивида, пытаясь представить его «единицей исторического измерения», чтобы замазать эти различия.

Но у индивида не может быть иного «проекта», кроме личного преуспеяния, которое не только не тождественно общественным интересам, но и нередко им противоречит. Примеры? Пожалуйста.

Индивид уклоняется от налогов, в которых общество нуждается, потому что ему необходим формируемый государством бюджет; индивид не хочет служить в армии, а государство, как и общество, без обеспечения безопасности существовать не может и т. д.

Удовлетворить интересы индивида можно только за счет интересов общества, и сам этот лозунг служит разрушению общей идентичности и атомизации индивидов. Все басни о неизбывной «гармонии» между этими интересами – «от лукавого»...

Итак, «проект» и «проектность» – характеристики не индивидуальные, а общественные. Цивилизационные и/или государственные. Ибо именно государство, как точно подмечает С. Е. Кургинян, является тем средством, с помощью которого народ и общество продлевают свое существование в истории¹¹.

Глобальный проект: цивилизационные и геополитические характеристики

Понятие «Глобальный проект» является новой категорией. Это обобщающее название уже известной. Проектное видение всемирно-исторического процесса уходит корнями в историю отечественной и мировой общественно-политической мысли.

Проблема была поставлена еще в XIX в. и оказалась в центре дискуссии между славянофилами и западниками, подробно описанной Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским и другими мыслителями и историками¹².

В. С. Соловьев, а за ним К. Н. Леонтьев рассматривали противостояние между като-

лическим Западом и православным Востоком как борьбу «политических идей общего значения» и попыток «унификации духовной и культурной идентичности европейских государств».

В постреволюционный период концепция цивилизационной проектности получила развитие в трудах мыслителей евразийской школы, которые соединили народ как культурно-историческую личность с геополитическим мышлением элиты, а имперскую традицию – с советской.

В трудах П. Н. Савицкого и Н. В. Устрялова говорилось о конкурирующих «стилях и способах человеческого бытия». Один из лидеров белого движения, правый эсер Н. Д. Авксентьев – именовал проектность «национальной задачей» и т. д.¹³

В прямой постановке категория «глобальный проект» как квинтэссенция мировидения и мироустройства упоминается в работах современных исследователей и публицистов – В. В. Аверьянова, А. С. Панарина, А. А. Прохорова, В. Л. Цымбурского и других¹⁴.

Автор этих строк посвятил немало времени изучению закономерностей формирования и эволюции глобальных проектов. И пришел к выводу о стержневом характере одноименной концепции в происхождении и развитии активно обсуждаемого в наши дни феномена глобального управления¹⁵.

В современной западной науке проблема глобальных проектов прямо не ставится, но акцентируется внимание на методологически важных функциональных аспектах, указывающих на проектный характер евро-атлантической стратегии.

Так, З. Бжезинский рассматривает фазы противостоящих друг другу «мировых гегемоний», особо выделяя при этом период холодной войны.

М. Тэтчер указывает на существование «систем, имеющих цели и опирающихся на философские теории».

Г. Киссинджер говорит о «мировом порядке», который устанавливается теми или иными ведущими державами и стремится к постоянству и т. д.¹⁶

О понятиях, очень близких, если не сходных с «глобальным проектом», говорили и писали такие столпы западной политической теории и практики как полковник Э. М. Хаус, Дж. Буш-ст., идеологи и организаторы Римского клуба А. Кинг, Б. Шнайдер, Э. Пестель, Э. Ласло и многие другие.

Непонимание проектного характера всемирно-исторического процесса ведет к глубоко ошибочному видению России частью Европы. Это загоняет нас сразу в две ловушки.

Одна из них – геополитическая. Абсолютно все концепции и школы классической геополитики – от Ф. Ратцеля и Р. Челлена до Х. Дж. Маккиндера, К. Хаусхофера и З. Бжезинского – считают нашу страну центральной частью евразийского «Хартленда» (*Heartland* – англ.) – «мирового острова». Европа – не более чем примыкающий к нему маленький полуостров.

Величины несопоставимые.

А. И. Фурсов, другие историки и политологи полностью правы, когда указывают, что Россия соотносится, ведет диалог и конкурирует не с европейскими странами по отдельности, а лишь со всем континентом и, шире, со всем Западом.

«<...> Есть один аспект проблемы континентальности России, на который не обращают внимания – по-видимому, он слишком лежит на поверхности, чтобы быть замеченным, – и который регулярно упускали геополитики, особенно те, кто мечтал о блоке континентальных держав. Проблема, однако, в том, что Россия не являлась континентальной державой. Точнее, континентально-державное качество России существенно отличается от такового и Франции, и Германии – они находятся в разных весовых категориях, в разных лигах.

Разумеется, географически и Франция, и Германия суть континентальные страны, однако с геополитической точки зрения полноценными континенталами они перестали быть с появлением в XVIII веке сокрушившей шве-

дов Российской империи. С появлением такого евразийского гиганта, за плечами и на плечах которого лежал континент, континентально-имперская интеграция Европы стала неосуществимой – „<...> с появлением России (петровской. – А. Ф.) Карл Великий стал уже невозможен“, – так афористически сформулировал эту мысль Федор Тютчев. Действительно, после Петра Великого Фридрих, Наполеон, Вильгельм, Адольф могли быть великими только в относительно короткие исторические промежутки времени, халифами на час.

С появлением империи-континента России стало ясно: сухопутные европейские державы суть всего лишь полуостровные – полуостровной характер Европы на фоне имперской России стал вполне очевиден. Или если эти державы считать континентальными, то Россию в силу ее евразийскости следует считать гиперконтинентальной. В любом случае разнопорядковость в „массе пространства“ очевидна. **(По взглядам К. Хаусхофера – основоположника концепции „Lebensraum“, то есть „жизненного пространства“ – пространство само по себе является фактором силы. – Авт.).** Именно она мешала созданию устойчивого континентального союза, поскольку это изначально (со всеми вытекающими последствиями) был бы неравный союз континента и полуострова (иначе: гиперконтинента, омываемого тремя океанами, и просто континента).

Гиперконтинентальное евразийское „количество“ превращалось в геоисторическое качество: ни одна «континентальная» держава принадлежащего Евразии полуострова (части света) «Европа» не могла реально соперничать с гиперконтинентальной державой евразийского масштаба, будь то Россия или СССР. Союз между полуостровным континенталом и континенталом евразийским был рискованным и опасным предприятием для первого: при прочих равных условиях Россия легко могла превзойти или поглотить его. Это очень хорошо понимали Наполеон в начале XIX века и немцы (Теобальд Бетман-Гольвег, а затем Гитлер) в начале XX века»¹⁷.

Эта «гиперконтинентальность» России и есть геополитический эквива-

лент ее цивилизационной самостоятельности.

Поэтому интеграция России с Европой, по поводу которой после распада СССР возбудились и перевозбудились некоторые недалёковидные российские интеллектуалы, а также представители властной корпорации, на Западе видится исключительно через призму расчленения нашей страны и включения ее в западную цивилизацию по частям. Ибо именно Россия – главное препятствие к овладению «Хартлендом».

Сегодня (да и давно) в США и Европе прекрасно отдают себе отчет в том, что всю Россию целиком, какой бы слабой она ни казалась, не сможет переварить ни Европейский союз, ни НАТО, ни любая другая контролируемая Западом международная организация. Ну, не помещается медведь, пусть и доведенный до полусмерти или даже до смерти, внутрь шакальего чрева.

Вторая ловушка – упоминавшееся одностороннее, материалистическое понимание цивилизации, закрепленное концепциями, объединенными теорией модернизации. К ним относятся хорошо знакомые еще с советских времен концепции постиндустриального общества Д. Белла, стадий экономического роста У. Ростоу и некоторые другие. Вектор развития теорией модернизации прочерчивается от традиционных обществ к рациональным, уровня которых, как считается, достиг только Запад. Между ними помещается «переходная» стадия, на которой находится Россия, задача которой – якобы интегрироваться в Запад.

В России этой позиции придерживается историческое и современное западничество, выступающее в либеральном и националистическом обличьях. Вульгарно спекулируя «общими» христианскими или секулярными корнями, сторонники этого подхода пред-

ставляет нашу страну частью Запада, невзирая при этом ни на Великую схизму (1054 г.), ни на чуждую православию орденскую практику западного христианства, ни на верхушечную элитарность подобных воззрений в России, ни на многое другое.

Спекуляции о якобы «возврате в мировую цивилизацию» составили идеологическую основу «перестройки». Один из подобных «цивилизаторов» – А. И. Ракитов – призывал «сломать защитный пояс русской культуры, перестроив спрятанные за ним механизмы исторической наследственности»¹⁸. То, что встроить Россию в Запад можно только «сломать ей хребет», было признано и сознательно проводилось в жизнь пресловутым «архитектором перестройки» А. Н. Яковлевым. Как верно, хотя и поздно заметил один из вольных или невольных участников этой травли нашей страны А. А. Зиновьев, «целили в коммунизм, а попали в Россию».

Нынешние же последователи разрушителей конца 80-х годов даже и не скрывают, что вновь целятся именно в Россию, которая не дает покоя ни им, ни их западным хозяевам, отравляя их жизнь самим фактом своего существования и присутствия на политической карте мира.

Итак, мишенью является не какая-либо из конкретных идеологий того или иного проекта, осуществляемого Россией, включая коммунизм. Мишенью является российская проектность как таковая. Сама органическая способность нашей страны порождать проекты, в том числе и с помощью адаптации к собственной проектной основе любых иноземных идей, включая западные. В случае с марксизмом, как признавал Тойнби, имело место именно это, и ни что иное¹⁹.

Сказанного достаточно для выведения определения. Глобальный проект,

по мнению М. Л. Хазина, уточненному и скорректированному автором этих строк, – это **система ценностей, созданная совокупностью культурных, исторических, социальных, государственных и иных традиций претендующей на лидерство цивилизации. Она воплощена в системах смыслов и распространяется в идеальной и материальной сферах посредством экспансии, приобретающей различные институциональные формы**²⁰.

Система базовых цивилизационных ценностей образуют социокультурный фундамент глобального проекта – его идеальную базу (идею). Хазин называет проектную идею «безальтернативной истиной, переведенной в политическое измерение».

В каких сферах протекает проектная конкуренция?

Существуют две основные точки зрения. М. Л. Хазин и С. И. Гавриленков относят к таковым экономику, идеологию и демографию. В качестве примера ими приводится продолжительность затянувшейся на десятилетия холодной войны, которая объясняется устойчивым равновесием: в экономике доминировал Запад, в идеологии – СССР, в демографии наблюдалось примерное равенство. Обвал нашей страны, с их точки зрения, явился прямым последствием «перестройки» – капитуляции перед Западом в критически важной проектной сфере – идеологической. Капитуляции, проявившейся, в частности, в принятии к обсуждению западной повестки дня, а также в ведении дискуссии на его проектном языке, в центр которого поставлены такие мифологемы как «демократия», «права человека», *etc.*

Маленький штрих. Проектный язык – не игра слов, а очень важная теоретическая и практическая проблема. Причем самостоятельная.

Наибольший вклад в формирование адекватных представлений о проектном языке на сегодняшний день внесен С. Е. Кургиняном. Он не устает повторять, что сам факт принятия к обсуждению той или иной проблемы в дискурсе, построенном и навязанном на языке оппонирующей вам стороны, неизбежно ведет вас к быстрому проигрышу в любой дискуссии. Непонимание или недооценка патриотической общественностью именно этого обстоятельства долгое время позволяла разговаривающим на западном проектном языке российским «демократам» навязывать общественному большинству чуждую систему ценностей, а также идеологических и политических штампов и пристрастий.

Переломить эту тенденцию на практике Кургиняну также удалось первому, справившись с либеральным тандемом Сванидзе и Млечина в беспрецедентном телемарафоне «Суд времени», собиравшем по всей стране многомиллионную аудиторию, которая затем активно обсуждала все перипетии острой борьбы в формальной и неформальной обстановке.

Возвращаясь к сферам проектной конкуренции, уточним, что «перестройка» – лишь публичный акт капитуляции. На проектном языке Запада втайне заговорили еще в конце 60-х – начале 70-х годов при включении части советской элиты в деятельность Римского клуба. Именно здесь корни предательства «перестроечной» мутации капитулянтов, попытавшихся «обменять» российскую проектность на собственное «теплое место» в западном проекте.

Вторая точка зрения на сферы проектной конкуренции – более глубокая и основательная, чем у Хазина и Гавриленкова, представлена аналитиком Академии Генерального штаба Т. В. Грачевой. Раскрывая пространства и сферы проектной конкуренции,

она формирует их иерархию. Высшим признается духовное пространство, включающее религиозную, культурную и этическую сферы. Следующим по важности называется ментальное пространство, с входящими в него политической (идеологической), информационной и социально-психологической сферами. Низший уровень отводится физическому пространству, в которое входят территориальная, экономическая и демографическая сферы²¹.

«Сдача» капитулянтами коммунистической идеологии и здесь рассматривается важнейшей предпосылкой распада СССР, ибо это привело к реальной готовности нашей страны к сопротивлению только в физическом пространстве. Остальные были сданы без боя. Грачева упоминает и о том, что одним из последствий 1917 г. явилось снижение «планки» российской проектности с высшего, духовного уровня до среднего, идеологического. Но при этом оговаривается, что по мере отодвигания от кормила власти откровенных космополитов, близких к Троцкому, этот процесс был успешно обращен вспять. Из этого вытекает, что важнейшей исторической заслугой И. В. Сталина, которую в силу своей мелкотравчатости и мещанского образа мышления не хотят видеть его прошлые и нынешние оппоненты, следует считать разработку и осуществление стратегии, направленной на восстановление единства всех трех указанных пространств. Именно ему суждено было внести решающий вклад во всемирно-историческую победу советского народа в Великой Отечественной войне.

В том, что действия Сталина по реанимации духовной традиции не были спорадическим шагом лидера, «хватящегося за соломинку» в попытке избежать военного поражения, как пы-

таются доказать российские западни- ки, а представляли собой глубоко продуманную стратегическую коррекцию всего курса Советской власти, убеждает следующее пророчество вождя, сделанное им осенью 1952 г.:

«Необходимо <...> добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечивал всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к какой-либо профессии.

Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию.

Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старым и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению (**это к вопросу о проектном языке.** — Авт.). Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие.

<...> Реформы неизбежны, но в свое время. И это должны быть реформы организационные, <...> опирающиеся на традиции при постепенном восстановлении православного самосознания. Очень скоро войны за территории сменяют войны „холодные“ — за ресурсы и энергию. Нужно быть готовыми в этом. Овладение новыми видами энергии должно стать приоритетным для наших ученых. Их успех — залог нашей независимости в будущем»²² (курс. — Авт.).

Вы удивлены глубиной и нестандартностью этого анализа, читатель, его несоответствием образу Сталина, который впечатан в умы сограждан стараниями Сванидзе, Млечина, Федотова и Ко, имя которым «легион»? Это потому, что вы забыли о духовном, семинарском образовании советского

лидера, которое во все времена отличалось не только уклоном в изучение религиозной догматики и связанных с ней дисциплин, но и высочайшим общим уровнем и многосторонностью, прежде всего в гуманитарной области.

На фоне гениальности этого сталинского предвидения особенно ярко проявляется интеллектуальная и нравственная убогость современной российской элиты, которая реставрировала эксплуатацию в масштабах, невиданных как дореволюционной России, так и современному миру. Далеко не самые худшие ее представители, демонстрируя неспособность учиться чему бы то ни было на чужих или своих ошибках, и те упрямо продолжают изъясняться на западном проектном языке, изобретая абсолютно неадекватные текущей ситуации теоретические и управленческие конструкции. Пример тому — полная противоречий идеология «партии власти» — «Единой России».

Другим примером может служить на шумевшая в свое время разработка бывшего генерального директора информационного аналитического агентства при Управлении делами Президента Российской Федерации А. А. Игнатов «Стратегия глобализационного лидерства для России». В ней нашей стране в тесной кооперации с Западом предлагалось включиться в формирование «мирового прайвительства»²³.

Показательно, что Игнатову даже в голову не пришло задаться простыми вопросами. Например, нужна ли кому-нибудь на Западе Россия в качестве равноправного партнера по разделению труда и, особенно, в сфере передовых технологических разработок? Таким партнером он ее рисует в своем сценарии, более напоминающем красивую сказку, нежели геоисторическую реальность. Не случайно, что сегодня, по прошествии всего десяти лет, мало

кто помнит об этом амбициозном, претендовавшем на некую фундаментальность замысле, рассчитанном как минимум на полвека вперед.

Мы уж не говорим о попытках постановки сугубо материальных факторов развития в центр нынешней «модернизации», осуществляемой с помощью разработок Института современного развития (ИНСОП) под руководством бывшего советского профсоюзного функционера И. Ю. Юргенса. Нужно ли говорить, что они не затрагивают ни духовного, ни ментального пространств и ограничиваются только физическим?

Между тем исторические победы способов одерживать лишь дух народа как исторического субъекта, а не желудок «цивилизованного потребителя».

Помимо идеи, в фундаменте глобального проекта существует система смыслов (норма), которая адаптирует идею к повседневности. В отличие от идеи норма может корректироваться, обеспечивая возрождение проектности на следующих этапах исторического развития. Коррекция нормы осуществляется строго системно: каждый из смыслов существует только во взаимосвязи с другими, и при попытке изменения любого из них отдельно от остальных система либо адаптирует инновацию к себе, либо разрушается.

В трудах В. О. Ключевского и П. Н. Савицкого указанные факторы идентифицировались с точки зрения соответственно «идеальной и материальной» преемственности («заветов и благ»; миров «абсолютного» и «относительного»), формирующих «наследственные свойства и наклонности потомков».

Рассматривая их в контексте обобщения социальных интересов или «фактов жизни», Ключевский отмечал, во-первых, превращение идей в общепризнанные и обязательные правила и, во-вторых, их переработку в социальные отношения и порядок, поддержива-

ющиеся совокупностью общественного мнения, закона и институализированного насилия. (Важно подчеркнуть, что оба ученых, несмотря на существенные расхождения, вызванные приоритетом, отдаваемым соответственно материалистическому и культурно-историческому подходам в цивилизационных исследованиях, указывали на первичность идеальной базы по отношению к материальной).

Развивая и конкретизируя этот взгляд, В. О. Ключевский также подчеркивал, что идея нуждается в культурно-исторической обработке, то есть в легитимации, а также в организации, то есть в институционализации.

К. Н. Леонтьев расширил видение идеи, рассмотрев ее как систему отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских, художественных), непосредственно увязанных с той или иной цивилизацией.

Мыслители евразийского направления – П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский – сформулировали представление о механизме смены исторических эпох, в основе которого находится воздействие на идею, выраженную традицией, в ряде сфер – религиозно-философской, художественной, социальной. А. С. Панарин и В. В. Ильин говорили уже о проектной «мироустроительной» «панидее»²⁴.

У каждого проекта, как отмечают М. Л. Хазин, В. М. Коллонтай и другие авторы проектной концепции, имеется и материальная база – финансово-экономическая система, а также базовые технологии²⁵.

Таким образом, идеальная база глобального проекта – проектная идея и норма – соотносятся с материальной базой как идеал с интересом. Обе базы являются ценностями, но идеальная – ценностью высшего порядка, а материальная – низшего. Из этого следует не только абсурдность попыток представить «общечеловеческие» материальные ценности универсальными, «всеобщими», но и вывод о том, что экономический детерминизм есть не что иное, как перевернутая вверх ногами практика Запада, поставившего тех-

нологический и экономический факторы (интерес) вперед социокультурного (идеала). На этой основе сложился феномен технологического общества в том виде, в котором оно существует на Западе в результате перехода в период Реформации и Просвещения доминирующей роли от традиционного континентально-европейского цивилизационного центра – римского Святого престола – к островной англосаксонской, преимущественно протестантской субцивилизационной периферии.

В плену экономического детерминизма, вслед за Западом, оказалась и Советская власть. И пребывала в нем до тех пор, пока не началось восстановление разрушенных событиями 1917 г. традиционных форм социального, а позднее, и политического развития – то самое, что не принимавший этих перемен Троцкий назвал «сталинским термидором».

Парадоксально, но большой вклад в формирование цивилизационного подхода был внесен самим марксизмом, который, по сути, по собственной инициативе поставил под сомнение собственный базовый постулат – первичность экономики по отношению к политике. Еще до того, как стало ясно, что классовая теория общественно-экономических формаций не отвечает на вопрос о месте и времени конкретной цивилизации и страны на лестнице исторической эволюции, марксистскими теоретиками были сделаны весьма неординарные умозаключения.

Ф. Энгельс признавал заинтересованность английской буржуазии и рабочих в совместной эксплуатации колоний.

К. Каутскому принадлежит мысль об интеграции победившим национальным империализмом своих бывших конкурентов в глобальный «ультраимпериализм».

В. И. Ленин, находясь на пике своего политического и государственного опыта, призна-

вал националистическое, а не классовое своеобразие поднимающегося Востока. В отличие от грезивших революцией в Германии троцкистов, он видел задачу Советской России в том, чтобы продержаться до этого подъема, придав ему социалистический тренд.

О том же самом, но уже применительно к послевоенному периоду, в своей знаменитой речи на XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) говорил И. В. Сталин²⁶.

Давайте согласимся с тем, что это вполне логично.

Ибо, как утверждал Ф. Бродель, экономика является пусть глобальной, но только одной стороной человеческой деятельности. Кроме нее есть ряд столь же самостоятельных сфер, к которым он относил культуру, политику, социальную иерархию. Н. А. Бердяев прямо критиковал К. Маркса за то, что «открытое в капиталистическом обществе своего времени, он признал основой всякого общества <...>»²⁷.

Современные неомарксистские концепции – и западные, и российские – исходят из того, что у каждой цивилизации (или, по Ю. И. Семенову, «параформации») – свое место и свое время на этой лестнице формационной эволюции²⁸ и т. д.

Еще один важный теоретический вопрос – стадии эволюции глобальных проектов. Их насчитывается три.

Первая – идеальная, связанная с появлением и оформлением проектной идеи.

Вторая – собственно проектная. Идея формирует норму, с помощью которой получает широкое распространение. С появлением проектной элиты и созданием опорной государственности происходит формирование проектной материальной базы.

Третья стадия – кризисная. Проект либо завершается полностью и окончательно, либо переходит в латентную, «спящую» форму и в этом случае, если удастся своевременно модернизировать норму, а в некоторых особых си-

туациях внести коррективы и в идею, появляется новый проект следующего уровня или порядка.

Подчеркнем, что опорная государственность, как правило, появляется не сразу, а по мере укоренения идеи. Рим воспринял христианство в качестве проектной идеи только через три столетия после его появления. Велико-

британия, наряду с Реформацией, пережила еще и Контрреформацию, окончательно став новой проектной страной Запада только на исходе XVII столетия.

Превращение России в опорную страну коммунистического проекта произошло через 70 лет после появления проектной идеи коммунизма.

Марксистская теория государства

Западный коммунизм, происхождение которого, по признанию Ф. Энгельса, тесно связано с масонством («общинами и ложами, распространившимися от Лондона до Швейцарии»²⁹), а еще точнее – с объединенной с масонством в 1782 г. леворадикальной, революционной доктриной ордена иллюминатов, на деле не столь однозначен. Поддерживаясь еще при Р. Пальмерстоне британскими спецслужбами в качестве инструмента дезинтеграции европейских империй, он быстро обнаруживает самостоятельность, решая выйти из западного проекта, сформировав для этого собственную «опорную» государственность. Пока этот процесс контролировался Лондоном, К. Марксу никто не мешал. Но как только им ставятся неудобные для англичан вопросы – о колониальной политике как инструменте классового примирения и формирования «рабочей аристократии», о поддержке ирландского «сепаратизма», о чем свидетельствует упоминаемый Ф. Мерингом секретный циркуляр Генерального совета I Интернационала (от 1 января 1870 г.) – терпение монархии лопается. Против Маркса бросаются сначала «раскольник» М. А. Бакунин с идеей «тайной организации, растворенной в глубинах народа», а затем, «втемную», – Парижская коммуна, большинство членов которой, по заключению французского историка П. Шева-

лье, являлись «масонами социалистической направленности»³⁰.

Не поддержать коммуны Маркс не мог, а ее поражение стоило ему завершения истории I Интернационала. В результате коммунизм начинает отпочковываться от своих прародителей из британской разведки, превращаясь в самостоятельный глобальный проект, продолжающий, после неудач с Ирландией и Францией, настойчивые поиски собственной «опорной» государственности. Именно таким путем, по-видимому, происходит трансформация идей, высказанных в «Манифесте коммунистической партии», в самостоятельную марксистскую теорию государства.

Во-первых, отмечается, что, отмирание государства, которое первоначально рассматривается Марксом через призму теории «непрерывной революции», исходящей из равномерности развития капитализма, – постепенный процесс, первой фазой которого выступает его превращение из «органа, стоящего над обществом», в орган, «всецело ему подчиненный». Во-вторых, подчеркивается, что решение этой задачи в ходе социалистической революции достигается с помощью диктатуры пролетариата. С формированием империализма, эти выводы корректируются В. И. Лениным – уже в контексте неравномерности развития ведущих стран и победы социалистической рево-

люции первоначально в нескольких или в одной из них³¹.

Формирование марксизмом собственной теории государства, означающее подведение теоретической основы под план создания «опорной» государственности, вызывает его раскол, связанный с выделением из коммунистического проекта социалистического (социал-демократического), который теоретиками и практиками революционного марксизма характеризуется как «оппортунистический». Коммунизм сохраняет проектность, но при этом начинает поиск «опорной» государственности за пределами «оппортунистической» Западной Европы.

С точки зрения проектного подхода, именно с этим связано размежевание Ленина с Троцким. В отличие от большевизма, который с 1915–1916 гг., несмотря на приверженность «мировой революции», все активнее ставит задачу нормативной адаптации коммунизма к России (победа революции в одной стране) «центризм» Троцкого и Мартова, наряду с меньшевиками и эсерами, стремится к ее включению через революцию в западную преемственность. Данный вывод подтверждается обновлением теории «непрерывной революции» Маркса сразу с двух сторон – как ленинской теорией империализма, так и троцкистской «перманентной революции». (Некоторые источники, правда, утверждают, что «перманентная революция» на самом деле – изобретение отнюдь не российских революционных умов, а британских спецслужб, разработанное для взаимного столкновения мусульман и христиан на Ближнем и Среднем Востоке, переданная Троцкому через его «куратора» по линии международных банковских кругов А. Л. Парвуса)³².

В противовес коммунизму, К. Каутский, Э. Бернштейн, Г. Кунов и другие

социалистические и социал-демократические лидеры с разных позиций подвергают самостоятельную марксистскую теорию государства критике как ошибочную, не учитывающую происходящую, по их мнению, трансформацию капитализма из классово антагонистического в классово солидарное (империалистическое) общество. «Опорная» государственность с этой точки зрения коммунистическому проекту не нужна ввиду возможности реализации его идеи в рамках уже существующих «опорных» государств Запада. Таким образом, эволюция социалистического (социал-демократического) проекта осуществляется путем его возвращения в капитализм (империализм)³³.

Тем самым в рамках империалистического глобального проекта происходит формирование левого крыла «широкого» либерального спектра, заложенного в основу двухпартийных систем. Либерализм в нем трактуется как «доминирующий тип политической культуры Запада, воплощенный в структурных характеристиках и принципах функционирования политических институтов, а также в основных идейно-политических течениях – от консерватизма до социал-демократизма».

А. Гизе, в 1985–1996 гг. Великий мастер Великой ложи Австрии, говорит о «широком» спектре как о масонской методологии, обеспечивающей партнерство в условиях политической конкуренции через членство в одних и тех ложах. (Получается, что двухпартийные системы Запада это нечто вроде борьбы нанайских мальчиков, исход которой решается «под ковром», на котором они борются). Официальное оформление базирующегося на нем общественного консенсуса, составляющего основу упоминаемой Г. Киссинджером концепции «лояльной оппозиции», осуществляется «на ковре» – II Интерна-

ционалом, а «под ним» – Фабианским обществом, а также европейскими Международным социалистическим бюро и Международным бюро масонских связей³⁴.

Таким образом, имеет место четкое отделение коммунизма как самостоятельного глобального проекта, альтернативного западной проектной преэминентности, сформировавшего собственную теорию государства и занятого поиском «опорной» страны, от социализма (социал-демократизма), обменивающего проектность на возвращение в либеральный (империалистический) проект и занятой в нем определенных властных позиций.

Перегруппировка марксистских партий, секций и групп, обусловленная Первой мировой войной, приводит к их перекрестному объединению, в том числе к формированию Циммервальдской конференцией (1915 г.) коалиции революционных партий, оппозиционной европейским социалистам, и ее исполнительного органа – Интернациональной (Бернской) социалистической комиссии.

Однако после перехода Бернской комиссии под контроль шведских социалистов В. И. Ленин, отказывающийся от участия в III (Стокгольмской) конференции Циммервальдской левой группы, окончательно порывает со структурами распадающегося II Интернационала. Рассматривая Россию «слабым звеном» империализма, он определяет ее «опорной» страной коммунистического глобального проекта и переводит данный вывод из теоретической плоскости в практическую, формируя соответствующую политическую стратегию, известную под названием «ленинского плана социалистической революции».

После Октября берется курс на формирование, уже под руководством рос-

сийских большевиков, самостоятельного Коммунистического Интернационала, ставящего вопрос о решительном отказе от названий «социал-демократических» и «социалистических» партий и о наименовании их «коммунистическими». Провозглашаются три основных условия членства в таком интернационале:

- размежевание с социалистами – сторонниками «буржуазных правительств» в Первой мировой войне;

- поддержка социалистической революции и диктатуры пролетариата;

- отказ от ограничений советской власти «буржуазным парламентаризмом»³⁵.

После победы Октябрьской революции Ленин, не отказываясь от курса на «мировую революцию», начиная с X съезда РКП(б), все активнее продвигает идею экономической реформы, означающий отказ от провалившегося «военного коммунизма». Советы и НЭП, как указывается многими исследователями, – не что иное, как первые шаги по пути практической реализации курса на «строительство социализма в отдельно взятой стране». В рамках разрешения связанного с этим противоречия Ленин, с одной стороны, требует подчинения классовой борьбы пролетариата внутри страны его международным задачам и видит в Советской России, а затем в СССР модель будущей «Всемирной Республики Советов». С другой же стороны, им признается существование де-факто диктатуры пролетариата в одной стране³⁶.

В отличие от Ленина, Троцкий и другие сторонники «мировой революции» в руководстве РКП(б) – Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, М. Н. Покровский, М. Н. Тухачевский, Н. Н. Крестинский, А. В. Луначарский и др. – не только считают социалистическое строительство в стране невозможным

без победы «мировой революции», но и не рассматривают Россию самостоятельным субъектом мировой политики. Любые отклонения от курса на «мировую революцию» ими характеризуются как оппортунизм и предательство интересов мирового пролетариата³⁷.

После смерти Ленина срыв сроков «мировой революции» начинает рассматриваться как повод для формирования альтернативной ей концепции «строительства социализма в отдельно взятой стране», впервые упомянутой А. И. Рыковым еще в 1918 г. и сформулированной в 1924–1925 гг. в качестве «генеральной линии» уже И. В. Сталиным. В соответствии с этой концепцией, социалистическое строительство в СССР отделяется от «мировой революции»; последней отводится роль фактического обслуживания национальных интересов СССР. Уже на XII съезде (апрель 1923 г.) Сталин ясно подчеркивает тщетность надежд на «мировую революцию», приведя как пример, что Германия или даже Польша никогда не войдут в советскую федерацию наравне, например, с Украиной³⁸.

Начавшись в сфере идеологии, замещающей религию в духовно-культурном генезисе российской цивилизации, преобразование коммунистического проекта, во-первых, не могло не превратиться в объект ожесточенной идейно-политической борьбы; во-вторых, оно не могло не распространиться на РКП(б) и Советское правительство, а также на Коминтерн.

«Политическое завещание» Ленина, его последние работы («О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин») ориентируются на укрепление и слияние партийных органов с контрольными в противовес государству, то есть на действия в рамках социально-классовой парадигмы. И. В. Сталин, поставивший в центр концепции «стро-

ительства социализма в отдельной стране» план индустриализации, напротив, берет курс на усиление не партии, а государства, действуя в русле цивилизационной парадигмы, что следует из целого ряда соответствующих партийно-государственных решений.

Так, в течение 1934–1940 гг.:

- вводится преподавание истории (с отказом от «классовой» школы академика М. Н. Покровского);
- столица УССР переносится из Харькова в Киев, а президиум АН СССР – в Москву;
- одновременно ликвидируется конкурирующая Коммунистическая академия;
- упраздняется Реввоенсовет;
- Наркомат по военным и морским делам переименовывается в Наркомат обороны, а Штаб РККА – в Генеральный штаб;
- упраздняется институт военных комиссаров;
- вводятся высшее почетное звание «Герой Советского Союза» и персональные воинские звания и т. д.³⁹

Аналогичные процессы протекают и в Коминтерне, начиная с обновления в 1934 г. руководства и принятия в 1935 г. VII Конгрессом новой программы и завершаясь в 1943 г. его роспуском.

В годы же Великой Отечественной войны сталинский курс был лишь продолжен и укреплен целым рядом новых последовательных шагов.

Среди них возврат погон фактического образца Российской империи, учреждение орденов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, а также выход знаменитого фильма С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный». Гениальность этого поистине уникального произведения особенно ярко видна на фоне современного подметного, но имеющего четкую идеологическую подоплеку пасквиля Лунгина под названием «Царь» и т. д.

Сам этот перечень наглядно показывает генеральный тренд преобразований, осуществлявшихся Сталиным

задолго до гитлеровской агрессии, с помощью которой некоторые «перестроечные» и современные демагоги любят «доказывать» конъюнктурность изменений «генеральной линии», упирая на их «вынужденный», якобы «заискивающий перед народом» характер.

Но самое главное – на это указывает С. Е. Кургиян – советским руководством была не только успешно адаптирована, но и творчески развита уникальная, присущая только России модель немодернизационного развития, составляющая важнейшее достояние всего человечества. Регулятором такого развития в отличие от Запада эпохи Модерна, является не право и закон, а русская культура, составляющая его матрицу¹¹.

Именно подобную адаптацию коммунизма к национальным особенностям стран, в которых происходят социалистические преобразования, В. И. Ленин понимал под «своеобразием» революций на Востоке, а Мао Цзэдун – под известным тезисом «ветер с Востока одолевает ветер с Запада». Марксизм с русской или китайской «спецификой» – термин в высшей мере показательный, символический, ибо «специфика» как раз и составляет тот самый цивилизационный «зазор», который позволяет успешно реализовать коммунистическую проектность, соединив ее с культурной традицией.

Еще один пример: выбор такой формулы прославления павших героев Великой Отечественной войны как «Вечная память!». Сегодня, как и в советскую эпоху, это словосочетание без всякого спотыкания произносится как религиозным, так и светским человеком, хотя известно, что изначально эти строчки принадлежат православной литии – молитве об упокоении усопших. Саму эту формулу, в отличие от искусственной даты 4 ноября, можно

считать актом исторического примирения красных и белых, которое генерал А. И. Деникин охарактеризовал как доказанную большевиками, в отличие от белых армий, способность воссоздать Российскую империю в ее исторических границах.

В целом, борьба между космополитической (иллюминатской) и глобально-проектной (традиционалистской) тенденциями в советском руководстве продолжалась все 20-е и начало 30-х годов, завершившись в 1934–1936 гг. XVII съездом ВКП(б) и конституционной реформой. Решения съезда поставили в перечне партийных задач отстаивание национальной безопасности выше принципов пролетарской солидарности и связанных с ними идей «мировой революции». Новая Конституция де-юре ликвидировала советскую власть в ее первоначальном смысле, заменив многоступенчатую выборность представительных органов от предприятий их избранием по территориальному признаку.

Соответственно, автор рассматривает борьбу с левым и правым «уклонами», а также репрессивные кампании 1930-х годов, направленные на кардинальное обновление партийно-государственной элиты, отражающие внутриполитическую борьбу. Массовые репрессии 1937–1938 годов, как убедительно, на наш взгляд, доказывает Ю. Н. Жуковым и рядом других видных историков, имеют несколько иную природу и, как бы ни хотелось противоположного некоторым современным «интеллектуалам» западного пошиба, объективно направляются, скорее, на подрыв власти Сталина, чем на ее укрепление⁴⁰.

Успешная адаптация коммунизма к традиционной проектности опровергает многочисленные политические и околонуточные спекуляции о якобы от-

существованию у него исторической перспективы. Эта перспектива у коммунизма, разумеется, не только имеется, но и существуют различные варианты и масштабы ее практической реализации.

Выскажем субъективное мнение: превращение этой перспективы в реальность – лишь дело времени. Ибо коммунизм остается единственным апробированным и при том эффективным средством борьбы с кризисом и загниванием капитализма, который угрожает – подчеркнем это еще раз – остановкой развития и «концом истории». Коммунизм также противостоит перспективам обусловленного подобным «концом» регресса, в особенности

наиболее деструктивным и агрессивным тенденциям, таким как фашизм и нацизм, религиозный фундаментализм и оккультизм, в том числе политический.

Но главное: именно коммунизм сегодня является едва ли не единственным идеологическим течением, способным выдвинуть общественный идеал, позволяющий человечеству не только «увидеть свет в конце туннеля», но и реально выйти из того тупика, в котором оно пребывает с момента распада СССР. Именно с того времени, когда этот идеал подменили материальными «общечеловеческими» ценностями.

Проектные трансформации. Российская и западная проектные преемственности

Сделав необходимый исторический экскурс, возвращаемся к теме глобальных проектов. Точнее, к процессу их эволюции.

Как писал Ф. М. Достоевский, «<...> Если идея верна, то она способна к развитию, а если способна к развитию, то непременно, со временем должна уступить другой идее, из нее же вышедшей, ее же дополняющей, но уже соответствующей задачам нового поколения»⁴¹.

Такое возрождение, обусловленное эволюцией получившей развитие проектной идеи, в авторском представлении называется «проектной трансформацией».

Россия и Запад прошли через четыре трансформации, создав две самые продолжительные в истории проектные преемственности. Это позволяет рассматривать их противостояние не только объективной и закономерной, но и главной исторической тенденцией всей второй половины второго тысячелетия.

Цепочка западной проектной преемственности выглядит следующим образом:

Первый – Латинский (католический) проект с центром в Риме, точнее в римско-католическом Святом престоле.

Второй – капиталистический (протестантский) проект с центром в воспринявшем протестантизм Лондоне.

Важный момент: процесс перехода проектного центра западной цивилизации из Рима в столицу Британских островов, естественно, затронул и такую сферу, как институциональное строительство. Помимо легальных институтов (создание англиканской церкви, выработка собственного символа веры и подчинение церкви монарху-реформисту), обеспечивающих новую проектность, возникла необходимость и в формировании тайных институтов. Та активность, с которой против британской монархии действовал католический орден иезуитов, напрямую подчинившийся Папе Римскому, породила

встречное движение, послужив отправной точкой формирования собственного британского королевского ордена, которым стало регулярное масонство. С 1583 г. и по сей день регулярное масонство английского и шотландского обрядов возглавляется представителем королевского двора. Сегодня – это герцог Майкл Кентский. Это центральная фигура, стоящая у истоков придуманного для России «альтернативного» проекта, готовящего стране сепаратистский шабаш, а ее будущему «руському» обручку – монархическую перспективу во главе со ставленником Букингемского дворца и столицей в Киеве.

Третий – либеральный (империалистический) проект с переходом проектного центра в США, на другой берег «селедочной лужи», как называл Атлантику Тойнби¹⁹. Развитие он получил уже в XX столетии с формированием империализма и осуществлением первых попыток объединить мир на основе теоретических изысканий адептов того, что Киссинджер именуется «американским идеализмом» или «вильсонизмом». В результате провала обеих попыток ратификации Устава Лиги Наций в Сенате Конгресса вступление США в этот первый наднациональный институт было надежно заблокировано республиканским большинством. Это отложило переход «мирового центра» за Атлантический океан до 1945 г.⁴²

Четвертый – западный (англосаксонский) или, по Каутскому, «ультраимпериалистический» проект, начавший разворачиваться после краха гитлеровской Германии, интегрировал весь Запад, в том числе саму Германию, которая до этого находилась с англосаксонским миром в состоянии субцивилизационной проектной конкуренции.

Особенности Запада как проектной цивилизации заключены в двух важных моментах:

Во-первых, в его обособленности от остального человечества. Э. А. Азроянц справедливо считает Запад «единственной нетрадиционной цивилизацией, которая выше ставит не консенсус и традиции, а право, законы и контракты»².

Во-вторых, кроме «нецивилизированных цивилизаций», не бывает и проектных «общечеловеческих ценностей». Этот симулякр призван оправдать глобализацию, то есть экспансию, с помощью которой Запад навязывает остальному человечеству свою секулярную, изрядно деформированную по сравнению с христианским оригиналом проектную идею.

Глобализация же ведет к конечной западной проектности – «новому мировому порядку». Россия – не субъект этого проекта, а объект. На этом поле у нас нет сколько-либо адекватной контригры. Выжить и продлить свое существование в истории наша страна сможет только с помощью продолжения собственной проектной преемственности. Она, как и западная, также включает четыре сменяющих друг друга проекта.

Первый. Благодаря крещению Киевская Русь, являвшаяся на тот момент северной славянской периферией Византийского проекта, стала прообразом будущей самостоятельной проектной цивилизации. Завоеванная самостоятельность Киевской православной кафедры в вопросах богослужения, в том числе осуществления его на родном, а не на греческом языке, материализовала эту заявку в первый русский проект. Итак, ключевые характеристики киевского проекта – православие и восточнославянское объединение.

Сегодня вокруг этого проекта идет ожесточенная борьба. С одной стороны, подкоп под него ведется прозападной частью украинской интеллигенции, воспевающей Украину как «подлинную

Русь». На стороне последователей С. Бандеры и Р. Шухевича, как это ни парадоксально, выступает и часть русских националистов, видящих будущее России в дальнейшем территориальном уменьшении, которое свело бы ее пространство к изначальному ареалу обитания древнего восточного славянства. С другой стороны, Московским Патриархатом, лично предстоятелем Русской Православной Церкви (РПЦ) Патриархом Кириллом активно популяризуется концепция Святой Руси, реализация которой возможна как в рамках централизованной «большой России», так и в условиях сохраняющейся территориальной раздробленности. Единственной заботой церковного руководства в последнем случае является ограничение распространения на канонической территории РПЦ экуменизма, что, однако, отнюдь не отменяет углубления межцерковного взаимодействия на экуменической основе как с западным христианством, так и с другими православными церквями. Иначе говоря, на вооружение, по сути, берется не столько унаследованная Русью от Византии симфония светской и духовной властей, сколько сугубо католическая транснациональная модель организации духовного и политического пространства.

Второй проект – Московская Русь. Новая форма русской государственности соединила православную проектную формулу Третьего Рима как преемственную по отношению к Византии с геополитическим наследством Золотой Орды. Это, на наш взгляд, ключевой исторический момент, ибо сочетание исторической преемственности русского православия от Византии – Второго Рима с геополитикой европейского «Хартленда» составило сохраняющийся и по сей день, несмотря

на все исторические передраги, стержень российской цивилизации.

Следует подчеркнуть, что возвышение любого другого потенциального проектного центра – Твери, Великого Новгорода и т. д. – скорее всего поставило бы формирование и реализацию проектной задачи в непосредственную зависимость от Запада. И лишь Москве, правители которой тонко рассчитали историческую перспективу, предвидев ее будущие генеральные тренды, а также грамотно распорядились оказавшимися в их руках средствами, собираемыми для выплаты дани Орде, не проев и не промотав их, а используя для увеличения своих владений, удалось по силам обеспечить самостоятельность страны. Особую роль в этом необходимо отвести двум важным историческим обстоятельствам, которые отечественными историками обычно недооцениваются: появлению концепции «Москва – Третий Рим» и династическому браку собирателя русских земель Ивана III с Софьей – племянницей последнего византийского императора Константина X.

Любителям спекуляций по поводу пребывания Софьи в Ватикане и стремления Папы использовать ее московскую миссию в экуменических целях (напомним, весьма прозаическую, если не сказать грубую процедуру ее встречи у стен Москвы). Именно она лишила римского первосвященника всяких надежд на привнесение в московскую среду экуменических настроений, надолго отбив у самой Софьи желание вмешиваться в русскую политику. Кровное же родство с византийской династией Палеологов, ради которого и затевался этот брак, свою задачу с рождением детей, между тем, выполнило.

Третий проект – «Российская империя». Несмотря на внешний европейский антураж, обусловленный внедре-

нием Петром Великим концепции «Россия как европейская империя», данный проект окончательно оформил российскую проектность как евразийскую. Именно после Петра – и это ясно видно из приведенного вывода А. И. Фурсова – Россия начала в полной мере входить в свою великоконтинентальную роль, а Европа с ужасом стала осознавать собственный полуостровной, периферийный по отношению к нашей стране характер.

Показательно: православие и ислам, пребывающие внутри страны и сегодня, несмотря даже на перманентный северокавказский кризис, воспринимаются преимущественно внутренним фактором, причем, по всей «большой России» – в границах бывшего СССР. В то время как те же религиозные течения за пределами страны – а православный мир, лишенный реального центра, функции которого формально исполняет Константинопольский Патриархат, включает более двадцати поместных и автокефальных церквей – безусловно, выглядят по отношению к России внешним фактором.

Особый генезис, как мы убедились, у **четвертого**, советского проекта, который – подчеркнем это специально для адептов пресловутой «десоветизации» и «десталинизации» – ни в коем случае не является «выпадением из истории» и который не только глубоко в ней укоренен, но и составляет ее равноправную, неотъемлемую, органично связанную с другими проектными эпохами часть. Тронь его, и шаг за шагом начнет разваливаться, рассыпаться все историческое наследие – от Николая II вглубь веков, вплоть до Александра Невского и Святого Владимира – Крестителя Руси.

Может быть, именно этого и добиваются современные «ниспровергатели» В. И. Ленина и И. В. Сталина?

Итак, каковы особенности проектного строительства и проектных трансформаций в России и на Западе?

На Западе первая же такая трансформация привела к смене и идеи, и опорной государственности, и элиты – с католической на протестантскую. Геополитическая проектная задача консолидации Запада перешла от сухопутной Священной Римской империи к «морской» Великобритании, а со второй половины XX в. к другой «морской» державе – США.

В России же при первых трансформациях идея оставалась в неприкосновенности. Корректировалась лишь норма и геополитическая задача, расширяясь до границ «Хартленда». Сочетание православной проектной идеи с евразийской геополитикой составило стержень российской имперской цивилизации, которая оформилась как прочный союз славянско-православного и тюрко-исламского начал.

Религиозный философ Г. П. Федотов писал о трех уровнях национального самосознания: этническом (великорусском, малорусском, белорусском и т. д.), государственном (общероссийском) и имперском⁴³. Империя же, завершив «частную глобализацию», дала малым народам защиту и выход в историю, одновременно расширив мощь центра. Но государство в империи, если она не хочет стать жертвой и строительным материалом для «всеобщей» глобализации, обречено быть формой и способом выживания народа, а не «ночным сторожем» индивида, как на Западе. Поэтому не надо ставить в вину нашим предкам ни этатизм, ни авторитаризм. Это выбор между жизнью и смертью и народа, и государства, и цивилизации.

С этой точки зрения ничего не изменилось и сегодня. Единственной альтернативой имперской «частной гло-

бализации», воссоздающей на постсоветском пространстве единую евразийскую идентичность и общность, является продолжение деления этого пространства по этническому, а затем и по региональному признаку. Апологеты этого подхода, как раз и ратующие за «европейский» «национальный» генезис России, на протяжении всей нашей тысячелетней истории противопоставляют подлинным героям нашего Отечества – Александру Невскому, Ивану Калите, Ивану Грозному, Петру Великому, Иосифу Сталину «героев» мнимых – Даниила Галицкого, Михаила Тверского, князя Курбского, гетмана Мазепу, генерала Власова и т. д. Это главная дилемма как российской истории, так и российской современности: централизованная (с Петра имперская) государственность против раздробленности – феодальной или современной.

Историческая правота имперского начала убедительно доказывается не только его неизменными победами, но и перманентным предательством национальных интересов, в которое этнические националисты всякий раз впадали практически на каждом крупном повороте отечественной истории.

Имперское сочетание цивилизационного и геополитического начал, продемонстрировав наибольшую ограниченность, значительно отсрочило секулярную коррекцию российской проектной идеи. Причем секуляризация у нас происходила не как на Западе в форме свойственного протестантизму упрощения богослужения и обмирщения бытия, а с помощью масонства, которое впадшие в диссидентство европеизированные «национал-интеллектуалы» противопоставили традиционной духовности и культуре. Если на Западе масонство противостояло бывшей цивилизационной идее – католицизму,

то в России – действующему православию. И подрывало абсолютно все устои.

Привязывало оно страну к Западу и в геополитическом плане.

Усугублялась ситуация и тем, что когда с масонством начиналась борьба, как в конце царствования Екатерины Великой, при Павле I, при «позднем» Александре I и Николае I, развитие получали иные нетрадиционные течения – вольтеррианство, католичество и другие, обеспечивавшие неизменность сильного внешнего влияния на российский просвещенный класс. Свою негативную роль в этом смысле сыграло и участие в разделах Польши, открывшее этому влиянию «внутренний канал».

Видному консервативному мыслителю М. П. Погодину принадлежит известное высказывание о том, что возможная отмена государственного статуса РПЦ способна была привести к уходу едва ли не половины «верхов» в католичество, а «низов» – в раскол (то есть в старообрядчество). Подобно современности, «продвинутая» часть российской элиты в то время стремительно расходилась с народом.

В итоге к началу XX в. западнические нормативные инновации вступили в антагонизм с проектной идеей. Февральская революция (1917 г.) на короткий срок прервала российскую проектную преемственность и попыталась включить ее в западную. Однако Октябрь пересмотрел итоги Февраля и продолжил противостояние России и Западу уже на другой проектной основе. Удалось сначала восстановить единую государственность, а затем и проектность, включив в советскую идею ряд важных традиционных норм и обезвредив космополитическую партийную верхушку. Точно таким же путем затем прошел и Китай, подтвердив историческую правоту И. В. Сталина.

Случайно ли, что, как свидетельствует ряд современных исторических изысканий, именно большевики в условиях прогрессирующего банкротства и деградации февральского режима, выстроенного на основе либерально-социалистического масонского консенсуса, стали той силой, на которую сделали ставку наиболее патриотичные и информированные круги российского Генерального штаба? Ведь не кто иной, как пользовавшийся в войсках и штабах непререкаемым авторитетом генерал Н. М. Потапов, признав Октябрьскую революцию, фактически встал во главе советского военного ведомства. Тем

самым был обеспечен высокий уровень советского военного строительства и массовый приток в Красную армию офицеров, не согласных с осуществленным военной верхушкой предательством, которое привело к отречению от престола императора Николая II⁴⁴.

Являясь высочайшими профессионалами, Потапов и его ближайшие соратники осознавали, что осуществление разработанного, по свидетельству западных историков, в Лондоне, плана Л. Г. Корнилова, более известного как «корниловский мятеж», означало бы полную деградацию остатков управляемости и неминуемый распад государства⁴⁵.

Чего следует ждать завтра?

Запад следующую проектную идею уже сформулировал. Это так называемый «новый мировой порядок». Подобие глобальной космополитической империи, обитатели которой полностью отделены от истории и лишены всякой идентичности, кроме пресловутого «мирового гражданства».

Каким окажется новый российский проект, и будет ли он вообще – большой вопрос. Нынешнее безвременье, больше всего напоминающее февральский «ликвидационный» режим, обречено. Но возвращение в историю зависит от ряда условий.

Прежде всего от закрепления уже имеющихся представлений о единой и позитивной преемственности всех четырех глобальных проектов, включая советский. Только тогда начнут просматриваться общие контуры национальной идеи, которую ищут и не могут отыскать уже два десятилетия. Наше будущее – в истории и исторической ретроспективе.

Представляется, что это «симфония» светской и духовной властей,

государственная идеология, восставленная социальная доктрина социализма, интеграция постсоветского пространства в новое геополитическое объединение с центром в Российской Федерации. И, разумеется, жесткое и последовательное антизападничество, диктуемое, прежде всего, объективной необходимостью – хотя бы тем, что Запад однозначно воспримет такие перемены в нашей стране «в штyki» и развернет с нами военно-политическое противостояние. Иначе говоря, наше будущее – это «красно-белый» альянс, сложившийся де-факто в сталинском СССР по мере строительства социализма «в отдельно взятой стране».

Маленькая оговорка: цивилизационное антизападничество не равно геополитическому. Ограничивать ареал влияния России в Европе – значит, давать «зеленый свет» дальнейшему продвижению на Восток НАТО и Европейского союза, реализующих тем самым стратегию «анаконды». Ее еще в XIX в.

выдвинул американский адмирал А.Т. Мэхен, а в XX в. взяли на вооружение ведущие англосаксонские геополитики – от Маккиндера до Бжезинского. В этих условиях выходом из положения может оказаться тактический антизападный союз с другими проектными цивилизациями, прежде всего с Китаем.

Самое главное, чего необходимо достичь любой ценой – восстановления суверенитета над внешней и внутренней политикой страны, то есть возврата в точку, в которой мы свернули «не туда».

В «Путешествии к центру Земли» Жюль Верна есть эпизод, в котором путешественники, спустившиеся под Землю по жерлу вулкана и блуждающие по запутанным подземным лабиринтам, выходят на развилку и, понимая бессмысленность размышлений, какой из двух путей выбрать, решают пойти по неверному. Оказавшись через два дня пути в тупике, они возвращаются обратно и идут уже в правильном направлении.

Прошло не два дня – два десятилетия. Что еще должно случиться со страной, чтобы мы осознали тупик выбора, сделанного нами в присно памятном августе 1991 г. во время совершенной тогда «великой криминальной революции»?

Следующее, что важно. Не было в истории успешных социально-экономических преобразований, осуществленных «демократическим» путем в странах, не окруженных со всех сторон морями и океанами, без раскрытого над ними кем-то «ядерного зонтика» и закачиваемых гигантских финансовых средств. Не забудем: американская модернизация прикрывалась шириной Атлантики и доктриной Монро, советская индустриализация начиналась с разгрома «правого» и «левого» уклонов и вышла на пик после ликвидации сопротивления оппозиции в центральном

партийном штабе; китайская – после уничтожения «банды четырех» и решительного подавления антиправительственных выступлений на площади Тяньаньмэнь. Явленное миру британское промышленное «чудо» XVII в., как и японское тремя столетиями позже – плоды превращения стран в «непотопляемые авианосцы», то есть в окруженные морями оплоты военной силы в лице соответственно британского и американского военных флотов, во втором случае еще и включенного в систему глобальной обороны США на «дальних» рубежах.

Поэтому потребуется не демократия, а мобилизация – решительная, в том числе идеологическая, осуществляемая под видоизмененным ленинским лозунгом «Отечество в опасности!». Хотя и демократия останется актуальной. Но только в своем первоначальном прочтении – как инструмент обеспечения интересов и, главное, власти большинства, а не маргинальных меньшинств, особенно либерального и сексуальных.

У России было три возможности соединиться с Западом. Первую отверг Александр Невский в XIII в., заключив фактический союз с Золотой Ордой против католической экспансии; вторую – московские князья и цари в XV–XVII вв. Многочисленные войны с Польшей – это борьба восточного и западного проектов организации единого геополитического пространства. Победы в них Польша – восточная граница России прошла бы по Верхней Волге, став межой кровопролитного противостояния христианства с исламом. Третий раз западный вектор отверг И.В. Сталин, благодаря деятельности которого наша страна более чем на полвека превратилась, выражаясь языком «Великой шахматной доски» Бжезинского, в одно из двух главных геостратегических действующих лиц.

Наше поколение не вправе пересматривать выбор, последовательно подтверждавшийся отечественной историей на каждом из ее крутых поворотов. Сама постановка вопроса о таком пересмотре выглядит кощунственной. Нельзя с хлестаковской «легкостью в мыслях необыкновенной» отказываться от собственного исторического «я», от цивилизационной идентичности и памяти предков, освоивших гигантские просторы и построивших одну из величайших держав в истории, от освященной принципом соборности взаимосвязи прошлых, нынешних и будущих поколений. Все стенания по поводу возвращения «в историю» и «в человеческую цивилизацию», из которых мы якобы «выпали», и прочие глупости, которые нам вдалбливают на протяжении уже двух десятилетий, являются либо тотальным заблуждением, либо, скорее, целенаправленной информационно-пропагандистской спецоперацией глобального масштаба.

Поэтому вопрос о том, за какой «крюк» зацепилась и на чем именно повисла Россия после распада СССР – важный, но не определяющий. В наше стремительно убыстряющее свой бег время куда актуальнее другое – историческая передышка, отпущенная нашей стране и нашей элите на осознание происшедшего, заканчивается, а его уроки остаются не усвоенными. Примерно так же царский режим, положившийся на реформы П. А. Столыпина, а затем на патриотический подъем, вызванный началом Первой мировой войны, утратил историческую динамику, пропустив нарастание в недрах общества и в окружающем нас мире всеобъемлющего и беспощадного кризиса, поставившего страну на грань исторического выживания.

Сегодня, подобно своим историческим предшественникам – Российской империи и Советскому Союзу, Россий-

ская Федерация плавно втягивается в новую «перестройку», возможные последствия которой дополнительно усугубляются отсутствием на постсоветском пространстве единой государственности и наличием мощной, разветвленной, влиятельной и политически активной «пятой колонны». Борьба протекает в тяжелейших, изначально невыгодных для страны условиях. Исход ее неясен.

Формирование нового, полноценного российского глобального проекта невозможно без тщательного «разбора полетов» и поиска ответов на самые сложные, неприятные и даже болезненные вопросы, несмотря даже на то, что это неизбежно вызовет защитную реакцию в соответствующих политических кругах, причем, отнюдь, не только либерально-западнических.

Главный из этих вопросов: как именно и в какой последовательности замыслов, шагов и действий была осуществлена сдача советской элитой тех уникальных геополитических и, если можно так выразиться, «гео-идеологических» позиций, на которых наша страна оказалась в результате майского триумфа 1945 г.? Кто повинен в предопределившем распад Советского Союза отказе от глобальной геостратегической инициативы, которой априори, по всем канонам классической и современной геополитики, владеет всякий, кто контролирует «срединную» часть Евразии – «Хартленд»?

Второй вопрос: звеном какой «цепи», какого общего плана оказалась заговорившая на западном проектном языке элита бывшего СССР? Какое проектное происхождение имеет этот план? Какова его конечная цель и, следовательно, уготованная России историческая судьба?

Чтобы сразу размежеваться с подгоняющими глобализацию апологетами «глобальной взаимозависимости», подчеркнем, что в первую очередь нас ин-

интересует судьба именно России, а не человечества. Опыт двух мировых и, в какой-то мере, наполеоновских и холодной войн убедительно доказывает, что судьба остального мира по отношению к судьбе России вторична и в случае падения нашей страны может считаться предрешенной. В диалектической оптике это доказывается гегелевской спиралью «отрицания отрицания»; в метафизической – «удерживающей» ролью нашей страны в традиционалистском видении всемирно-исторического процесса как движения от начала времен к их концу.

Третий, не менее важный вопрос: на каком фундаменте построен этот человеконенавистнический план, какова его реальная, а не декларируемая проектная задача, насколько далеко продвинулись англосаксонские и, в целом, западные элиты по пути ее реализации? Каково влияние на их деятельность нацистского наследства? Какие у них имеются достижения и где допущены промахи, указывающие, помимо всего прочего, на наиболее проблемные, уязвимые точки осуществляемого ими проекта, то есть те точки, воздействие на которые может его подорвать и разрушить, обратив вспять формирующие его тенденции?

Какими возможностями располагает наша страна для подобных действий, какие причины – внешние и, безусловно, внутренние, связанные с деятельностью вскормленной внутри и на костях КПСС и Советского государства «пятой колонны» – этому препятствуют?

Отдельной и важнейшей частью этого вопроса является проблема особых договоренностей и обязательств, принятых на себя российской элитой после распада СССР, в том числе и в обмен на сохранение, возможно временное, нашей сегодняшней усеченной государственности. Вспомним в связи с этим ха-

рактерное и многозначительное высказывание У. Клинтона: «Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США»⁴⁶.

Являются ли такие обязательства своеобразным «новым изданием» Брестского мира – вынужденной и временной уступкой сложившимся обстоятельствам, и будут ли они расторгнуты при первом удобном случае? Или в российских элитах доминирует неуверенность, разобщенность, клановая борьба и, как следствие – противоречивость или отсутствие вменяемой стратегии? И все это на фоне готовности определенных внутренних сил продолжить поэтапную сдачу отечественного исторического, цивилизационного и геополитического наследства.

Без ответа на все эти вопросы нельзя двигаться дальше, не опасаясь промахов, вызванных спорадичностью и нерасчетливостью действий, а также очередного удара в спину или дальнейшего углубления внешней зависимости от сил, идей и интересов, претендующих сегодня на глобальное доминирование.

Следует также признать, что увенчавшаяся успехом «перестройка» явилась как минимум второй, если не третьей попыткой разрушения Советского Союза. Первая, без сомнения справедливая, пусть и жестоко подавленная И. В. Сталиным, была предпринята в канун Великой Отечественной войны троцкистским подпольем, получившим поддержку всевозможных сил на Западе – от «демократических» Лондона и Вашингтона до нацистского Берлина. Второй такой попыткой, пусть и с определенной натяжкой, можно считать хрущевскую «оттепель», начатую XX съездом КПСС, продолжившуюся заигрываниями с США и массивным сокращением Советской Армии, но, к счастью для нашей страны, захлебнувшуюся на октябрь-

ском (1964 г.) пленуме Центрального комитета партии. Однако возвращенные двумя этими попытками идеи и люди, проигравшие тайм, но не игру, приободренные «вегетарианством» брежневского руководства, своих планов не оставили. И, к сожалению, на третий раз сумели провести их в жизнь.

Следующие после Сталина поколения партийных и государственных лидеров не смогли или не захотели осознать и внутренне глубоко пережить и прочувствовать критически остро воспринимавшуюся вождем угрозу исторического поражения Советского Союза и прекращения им своего существования, которой он противостоял до последних дней своей жизни. Надеюсь, что все «образуется», его политические наследники не верили в такое поражение до последней минуты и, успока-

ивая себя тем, что Запад якобы «не может» вести игры на уничтожение СССР, занимались преимущественно внутри-элитными играми и разборками.

Запад такую игру вел, причем, опираясь на силы, окопавшиеся в самом партийном и государственном руководстве. На верхнем уровне это, между прочим, должны были осознать уже после памятного приезда в Москву Г. Киссинджера (1981 г.). В среднем и низшем звеньях партийно-государственного аппарата, деморализованного «пятилетней пышной похорон» (1982–1985 гг.), о возможности распада страны заговорили уже в горбачевскую эпоху, наблюдая за процессом управляемого замещения перспективного, внушавшего оптимизм курса на «ускорение» социально-экономического развития страны разрушительной «перестройкой».

Волки, овцы, пастухи и другие... (Вместо заключения)

Верят ли овцы пастуху? Безусловно, ибо он защищает их от волков. И потому рано или поздно оказываются на шампурах. Именно так «низы» КПСС поверили Горбачеву и его команде. Будучи очарованными говорливостью, обновленческой риторикой нового генсека, они увидели в нем некую «свежую струю», на деле обернувшуюся грязным и мутным потоком, смывшим нашу страну с политической карты мира. Поэтому мы просто не имеем права не упомянуть и еще об одном персонаже сюжетов, связанных с волками, овцами и пастухами – «козле-провокаторе», неизменно находящемся «в штате» любого уважающего себя мясокомбината.

Как засвидетельствовал основатель и первый директор ЦРУ А. Даллес, такие персонажи отнюдь не чужды и политическому процессу.

*«Сов. секретно
Только для тов. Иванова*»*

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ (агентурное донесение)

Руководитель американской разведки в Европе Ален Даллес, инструктируя сотрудников, ставя перед ними задачи по

* То есть для И. В. Сталина. – Авт.

развалу ВКП(б), сказал: „Компартия со времен Ленина над-
рессирована на механическое, бездумное следование за лиде-
ром. Этим надо воспользоваться. *Достаточно внедрить на
место генерального секретаря ЦК ВКП(б) козла-провока-
тора (известно, как овцы на бойне послушно идут за таким
козлом), как компартия Советского Союза послушно пойдет
за ним в пропасть*“ (курс. – Авт.).

12 апреля 1946 г.

А. Джуга²²

У Горбачева, которому принадлежит метафизический по своему смыслу «пе-
рестроечный» афоризм «Процесс пошел!..», не может быть обид на лично незна-
комого ему Даллеса. А вот глупостью или предательством являлось подобное по-
ведение советской элиты, послушно двинувшейся за Горбачевым и его присны-
ми и не исполнившей своего долга перед страной и народом, проигнорировавшей
свою главную функцию – стратегического планирования и управления истори-
ческим развитием, каждый решит сам.

Поразительной политической наивностью, всеобщим ступором или стерили-
зацией коллективного инстинкта самосохранения партийных низов и народа
в целом, а также Советской Армии и спецслужб было вовремя не заменить такую
элиту. Почему этого не произошло, хотя возможности были и, более того, все ус-
ловия и предпосылки для кристаллизации в «позднем» СССР новой, созидатель-
ной, национально ответственной и компетентной элиты были созданы, – отдель-
ный вопрос. На него еще долго предстоит отвечать не только историкам, но и со-
циологам, политологам и даже экономистам.

В условиях тотального предательства «верхов» большинством рядовых ком-
мунистов нарастающие деструктивные тенденции были поняты и осмысле-
ны, увы, слишком поздно, когда сама КПСС уже стала необратимо делиться
на разнообразные идейно-политические платформы и распадаться по союз-
ным республикам. Своеобразным «осиновым колом» можно считать создание
по инициативе Горбачева в 1990 г. Коммунистической партии РСФСР, пре-
восходившей по численности компартии всех остальных союзных республик
вместе взятые. Так ли неправ был И. В. Сталин, когда с корнем вырвал в кон-
це 40-х годов аналогичные планы фигурантов «Ленинградского дела» вместе
с их авторами?

Вывод для современности из этого ясен: необходимо немедленно прекратить
политические спекуляции и разборки с советским прошлым, в которые страну уси-
ленно втягивают те, кто не заинтересован в ее возрождении, а возможно и целе-
направленно работает на ее разрушение.

В. С. Соловьев писал, что национальная идея – это «не то, что нация думает о се-
бе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»². Ф. И. Тютчев прямо про-
тивопоставлял Россию Западу, Ватикану и революции как методам установления
над Россией внешнего управления⁴⁷.

Отсюда же проистекает формула «цветущей сложности» К. Н. Леонтьева, при-
зывающая к динамизму проектного строительства в его начале и к консервации
того, что уже создано. Разрушая Советский Союз, мы просто забыли об этом
предостережении нашего знаменитого соотечественника⁴⁸.

Таким образом, **Россия – не часть Запада, а самостоятельная цивилизация с собственным уникальным генезисом и вкладом в мировую историю.**

Но в 1991 г., подобно февралю 1917 г., российская проектность прервалась. Если она не возобновится, как возобновилась в Октябре того же 1917 г., страну ждет дальнейший распад и участь прекратившей существование цивилизации, описанная Тойнби в «Постижении истории».

Примечания

- 1 Никонов В. А. Из выступления в Институте Европы РАН на круглом столе «Россия в многообразии цивилизаций». 2008. 12 марта.
- 2 Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Ред., сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. – СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 989–990, 982, 101, 793.
- 3 Печчеи А. Римский клуб: повестка дня на конец столетия // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / Сост. Гвишиани Д. М., Колчин А. И., Нетесова Е. В., Сейтов А. А. М., 1997. С. 95–104; Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982. С. 38–54.
- 4 Тойнби А. Дж. Постижение истории М., 2006. С. 496–498; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х томах. М., 1998. Т. 2. С. 55–87; Гумилев Л. Н. От Руси до России М., 2001. С. 5–18.
- 5 Аверьянов В. В. Империя и воля // <http://pravaya.ru/look/21172?print=1>
- 6 Павленко В. Б. Группа БРИК в глобально-управленческой стратегии англосаксонского Запада // Обозреватель-Observer. 2009. № 11. С. 26–28.
- 7 <http://vu.ua/blogs/4-90.html>
- 8 Россия в многообразии цивилизаций / Ред. Н. П. Шмелев, Т. Т. Тимофеев, В. П. Федоров. Сб. М., 2011. С. 862–863, 181, 19.
- 9 <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=91>
- 10 Концепция внешней политики РФ Указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440 // www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml
- 11 <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=4&id=95>
- 12 Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Лосский Н. О. Характер русского народа. В 2-х томах. Л., 1990.
- 13 Авксентьев Н. Д. Национальная власть // Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах / Ред. Г. Ю. Семигин М., Т. IV. С. 625; Савицкий П. Н. Геополитика // Континент Евразия. Сб. М., 1997. С. 279–432; Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 158–159.
- 14 Аверьянов В. В. Цивилизация против «цивилизаторов» // <http://www.pravaya.ru/look/12645?print=1>; Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 16; Проханов А. А. Синусоида русской истории // www.rus-crisis.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=ar; Цымбурский В. Л. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // <http://www.archipelag.ru/geopolitics/osnovi/russia/geopolitics/?ver>
- 15 Павленко В. Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами (докт. дисс.). М.: РГСУ, 2008. – 526 с.
- 16 Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2002. С. 13; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 9, 733–734; Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М., 2003. С. 39.
- 17 Фурсов А. И. Третий Рим и Третий рейх. Советско-германский покер в американском преферансе // http://www.zlev.ru/87_38.htm
- 18 Материалы II съезда Народной партии «Свободная Россия». М., 1991. С. 42.
- 19 Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сб. М., 1996. С. 160, 56.

- 20 Хазин М. Л., Гавриленков С. И. Развитие и взаимодействие глобальных проектов // http://worldcrisis.ru/crisis/110296?PARENT_RUBR=wc_glpr; Павленко В. Б. Институциональные аспекты глобального управления политическими процессами (докт. дисс.). М.: РГСУ. С. 224–225.
- 21 Грачева Т. В. Невидимая Хазария. Алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань, 2008. С. 12–14.
- 22 Личная секретная служба И. В. Сталина / Сост. Вахания В. В. Сб. документов. М., 2004. С. 416, 291.
- 23 Независимая газета. 2000. 7 сентября.
- 24 Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 2-х книгах. М., 2003. Кн. 1-я. С. 14–15, 24–27; Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Цветущая сложность. Избранные статьи. Сб. М., 1992. С. 118; Глобалистика. Международный энциклопедический словарь/ Ред., сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. – СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 462, 794; Панарин А. С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 16; Савицкий П. Н. Континент Евразия. Сб. М., 1997. С. 121, 127–128, 223–224.
- 25 Хазин М. Л., Гавриленков С. И. Развитие и взаимодействие глобальных проектов // http://worldcrisis.ru/crisis/110296?PARENT_RUBR=wc_glpr; Коллонтай В. М. Глобальные проекты и национальные интересы // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова. 2005. № 2.
- 26 Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 7 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 298; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 243; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378–382; Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г. М., 1953.
- 27 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х томах. М., Т. 3. С. 32; Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 80.
- 28 Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М., 2005. С. 234.
- 29 Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения, в 2-х т. М., 1952. Т. II. С. 323–324.
- 30 Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 28. С. 635–638; Декларация Коммуны к французскому народу/ Ред. Г. Ю. Семигин. Антология мировой политической мысли. В 5-ти томах. М., 1997. Т. V. С. 147–149; К масонам всех ритуалов и всех степеней. Воззвание // Journal official de Republique francaise. 1871. 24, 27 мая.
- 31 Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 12 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 297; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 36–56, 378–379.
- 32 Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 358–376; Троцкий Л. Д. Резолюция общего собрания Венского партийного социал-демократического клуба (26 ноября 1910 г.) // Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 55–56, 59; Непролетарские партии России. Урок истории/ Ред. И. И. Минц. М., 1984. С. 191, 204.
- 33 Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 7 сентября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 219; Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? М., 1991; Плеханов Г. В. Легальные рабочие организации и РСДРП // Дневник социал-демократа. 1911, № 11.
- 34 Политология. Энциклопедический словарь/ Ред. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 154; Гизе А. Вольные каменщики. М., 2006. С. 49; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 739.
- 35 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 505.
- 36 Программа РКП(б) // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 2. С. 71–92; Ленин В. И. Польский фронт и наши задачи. Тезисы ЦК РКП(б) от 23 мая 1920 г. // Там же. С. 290–293.
- 37 Троцкий Л. Д. Программа мира. Пг., 1920. Т. III. Ч. I. С. 90; Зиновьев Г. Е. Выступление на V Всемирном конгрессе Коминтерна. Стенограф. отчет. М. – Л., 1925. Ч. 1. С. 9; Луначарский А. В. Просвещение и революция. Сб. статей. М., 1926. С. 94–96.
- 38 Сталин И. В. Об основах ленинизма. 2-е изд. Собр. соч. М., 1949–1952. Т. 6. С. 107.
- 39 Конституция СССР // М., 1975; Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б). Указ. соч. Т. 13. С. 282–306; Постановление ЦК ВКП(б) о создании Комитета обороны СССР // КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 387.

- ⁴⁰ Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах. М., 2005. С. 99–102, 176, 179–183, 269.
- ⁴¹ Цит. по: Аверьянов В. В. Империя и воля // URL: <http://pravaya.ru/look/21172?print=1>
- ⁴² Зубок Л. И., Яковлев Н. Н. Новейшая история США. М., 1972. С. 30.
- ⁴³ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // URL: <http://www.vehi.net/fedotov/rossiya.html>
- ⁴⁴ Стрижак О. Генералы в Октябре // Санкт-Петербургские ведомости. 2008. № 24. 11 февраля.
- ⁴⁵ Уорт Р. Антанга и русская революция. Россия в переломный момент истории. М., 2006. С. 135–148.
- ⁴⁶ Жуков В. И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3-х томах. М., 2007. Т. I. С. 434.
- ⁴⁷ Тютчев Ф. И. Россия и Запад // Россия и Запад. Сб. М., 2007. С. 78–95; Тютчев Ф. И. Записка. С. 42–52; Тютчев Ф. И. Россия и революция. С. 53–62.
- ⁴⁸ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Цветущая сложность. Избранные статьи. Сб. М., 1992. С. 67–126.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@ru.ru
E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.